

Вклад иностранных ученых в изучение пермских народов

Изучение истории науки является важным фактором ее самоорганизации, с учетом того, что динамика той или иной отрасли знания зависит от массы внешних воздействий идеологического, политического и социокультурного характера. История изучения финно-угорских народов и пермских этносов в частности, представляет тому яркий пример.

Пройдя длительный этап накопления и первичного обобщения этнографических фактов, артефактов и конкретных описаний этнических традиций, финно-угроведение со временем приобрело роль особого научного направления, чья институционализация отразилась на академическом и университетском уровнях. Внимание к традиционной культуре родственных народов со стороны представителей финляндской и венгерской этнографии вело к интеграции исследовательских усилий с русскими учеными, создавая столь необходимый для позитивного развития науки дискуссионный контекст.

Пермские народы России (**коми, коми-пермяки и удмурты**) являются частью древнего автохтонного населения Северо-восточной Евразии. Разделенные огромными расстояниями, отличиями хозяйственной деятельности и образа жизни, они, тем не менее, сохраняют четкую идентификацию не только как носителей определенной этничности, но и как представителей более широкой финно-угорской общности. В этой связи возникает вопрос, как случилось, что этносы, чей жизненный ареал расположен на Урале, в Среднем Поволжье и на Европейском Севере России ощущают не только ментальное единство, но и знают о своих зарубежных родственниках – финнах, эстонцах и венграх? Думается, что ответ можно найти в сфере истории науки.

Финно-угроведение, а в нашем случае пермистика, зародившись как исследовательское направление филологического характера, довольно скоро приобрело полифункциональную, этнографическую (в широком понимании термина) сущность. Результаты научных открытий, откладываясь на страницах академических изданий, школьных учебников и популярной периодики формировали чувство финно-угорского родства. Но прежде должно было пройти время, когда каждый народ в отдельности проделывал свой путь в поисках своего места в истории.

1. Век Просвещения

В научно-справочной литературе встречаются различные толкования эпохи Просвещения, чаще всего связываемой с отказом от господствовавшей в ученой среде схоластики, в пользу – рационализма и энциклопедизма.

Этнические исследования в России в допетровское время носили преимущественно прикладной ведомственный характер и были мало известны в Европе. Ситуация начала меняться с приходом к власти Петра I и его преемников, демонстрировавших покровительство наукам и заботившихся об оперативном издании материалов экспедиций на Восток империи, содержавших ценные историко-этнографические сведения о пермских народах. Рационализация различных отраслей знания потребовала от науки принятия новых организационных форм, способных объединить и направить творческий потенциал ученого сообщества в русло национальных исследований. Наиболее продуктивной, в этом отношении, виделась идея Академии.

Академия наук стала одним из немногих государственных институтов, где классическая модель власти как суверенного закона, устанавливающего предел положенной свободе, на деле приобрела иную перспективу, объединяя усилия различных ученых «скептиков и критиков». Пермистика, включенная в структуру академического интереса, постепенно приобрела дисциплинарный характер, определяемый реализацией научных проектов и наличием оплаченного государством заказа. Вместе с тем, возможность для последующих далеко идущих научных конструкций и реконструкций находилась в прямой зависимости от способности академиков самостоятельно добывать опытный материал. Одним словом, идея экспедиции как специального «ученого путешествия», дающего возможность для непосредственного наблюдения, в буквальном смысле витала в атмосфере эпохи Просвещения.

В истории пермских исследований рассматриваемого периода найдется немало примеров иллюстрирующих деятельность «экспедиционных товариществ». Пожалуй, одним из наиболее ранних опытов такого рода была поездка по восточным владениям России участников Сухопутного отряда «Великой Северной экспедиции». Прибыв осенью 1733 г. в пределы Казанской губернии, Г.Ф. Миллер и И.Г. Гмелин, приступили к изучению местных народов (в том числе удмуртов) с того, что настоятельно просили губернаторскую канцелярию, «сыскать им по два старых и степенных человека из каждого племени, которых можно было бы спрашивать об их верах, жизни, торгах, промыслах, нравах, обычаях и истории, а для объяснений с ними дать искушенных толмачей, которыми можно было бы располагать свободно...». Будучи по началу малоопытными, в какой-то мере легкомысленными молодыми людьми, чье мировоззрение с успехом сочетало личный авантюризм с традиционной немецкой работоспособностью, они в дороге проделали ог-

ромную работу, прежде всего над собой, преодолев свою отстраненность от этнокультурного окружения.

Поколение, пришедшее в российскую академическую науку во второй половине XVIII. в. было так же, как их предшественники увлечено идеей экспедиции, где просветительская цель сочеталась с государственной необходимостью. В качестве одного из перспективных направлений выделялось изучение пермских народов и исследования сравнительного характера, по выявлению взаимосвязей между угорскими и финскими народами. Работа, развернутая отрядами Академической экспедиции (1768–1774 гг.), дала богатый эмпирический материал, отображенный в «Дневных записках» Ивана Лепехина, «Путешествии по разным провинциям Российской империи» П. С. Палласа, «Оренбургской топографии» Н. П. Рычкова, записках И. Г. Георги и И. П. Фалька, и др.

Дополнительную динамику, в этой связи, могли получить полевые финно-угорские исследования, для поддержки которых необходимы были специалисты, не переставшие быть энтузиастами. Одновременно возникла идея, развившаяся в конкретное предложение, совместить академический интерес и стремление финских и венгерских ученых глубже прояснить историческое и культурное происхождение своих народов. Стало ясно, что будущее финно-угорских исследований зависит не только от дальнейшего поиска и обработки полевых материалов, но и от своевременного появления новой генерации исследователей.

Жизнь больше похожая на робинзонаду удивительным и, в тоже время, логическим путем позволила ученым XVIII. в. найти своего доброго дикаря, которому еще предстояло стать Пятницей. Или другими словами, оторвавшийся от природных начал и углубленный в личное «я», сентиментальный человек пошел навстречу наивному, в образе жизни и мысли которого увидел больше правды, творчества и смысла. Просвещенческая направленность, в целом характерная для научных произведений описываемой эпохи, дополняется многими авторами распространенной со времен средневековья идеей порицания городских спесивцев, противопоставляемых поселянам-простецам, что составит вскоре один из краеугольных камней мировоззрения ученых-романтиков. Неизменной на протяжении всех этапов в истории финно-угроведения станет идея о том, что начато просвещенными, должно быть продолжено и завершено просвещаемыми....

2. Век Романтизма

В первые годы XIX. в. изменилась идеологическая ситуация в Европе. На смену рационализму эпохи Просвещения пришел Романтизм, которому суждено, будет сыграть важнейшую роль в становлении финно-угроведения как

самостоятельного научного направления. Сложившийся в мощное общеевропейское движение за осознание себя и собственной культуры как самоценности, романтизм поднял авторитет, прежде всего, гуманитарного знания, когда «...все хотели быть поэтами, хотели мыслить как поэты, писать как поэты». Романтически настроенные ученые стремились совместить науку, философию и поэзию, в поисках лучших образцов обращаясь к произведениям народной словесности. В этот период многие ученые, как, впрочем, и действующие политики начали серьезно рассматривать перспективы строительства национальных государств и национальных культур. При этом отношение романтиков к нации приобрело мистическое звучание, в плане рассмотрения её как некоего родственного коллектива, происходящего от общих предков. Обращение к «народной идее», к народному творчеству, к традициям живой старины, к утраченной прежде истории и, в конечном счете, к нациестроительству, было присуще романтическому сознанию финно-угроведов.

Андерс Иоганн (Антти Юхана, Андрей Михайлович) Шёгрэн – основоположник полевой финно-угристики, первым вступил на романтический путь полевого исследования. В студенческие годы, молодой Шёгрэн решил посвятить себя одной задаче – «всеми силами разыскивать и собирать духовные памятники предков, касается ли это народной поэзии, сказок и всего, что может принести пользу при изучении нашего прошлого», то есть истории финнов и родственных народов и племен. Но, уже после первой самостоятельной поездки к ингерманландским финнам, он понял, что без поддержки заинтересованных финансовых структур говорить о продолжении полевой работы в России преждевременно. Такими структурами, учитывая специфику Российской империи, могло стать либо государство, либо облеченное его полным доверием «мecenатствующее» лицо. И, тогда ученому пришлось искать контактов с властью. Благо, что либерально настроенная в этот период имперская верхушка сама искала связей с интеллектуальной элитой вновь приобретенных территорий, высказывая готовность приоткрыть завесу над внутренним устройством, составляющих её регионов.

Покровителем А. И. Шёгрена стал государственный канцлер империи, граф Н. П. Румянцев, собравший вокруг неформальный круг ученых – историков, лингвистов, экономистов, более известный как «румянцевский кружок». Став первоначально библиотекарем графа, Шёгрэн представил ему развернутый план экспедиции к финно-угорским народам России. Получив одобрение канцлера, Академии наук и Финляндского Сената, он в 1824 г. отправился в путь, занявший у него около пяти лет. Побывав у различных групп карелов, вепсов, саамов, коми, коми-пермяков, удмуртов, марийцев и манси, собрал уникальный и, что самое главное достоверный полевой материал, не до конца освоенный и в наши дни. Таким образом, А. И. Шёгрэн удалось совместить государственный заказ с финскими национальными устремлениями, иденти-

фикационного характера. Шёгрэн стал автором известной теории о существовании финно-пермского населения в бассейне Северной Двины и Прионежья. Заволочье, понимаемое им как территория легендарной Биармии стимулировало дальнейшие романтические поиски в области финно-угорской (уральской) прародины и «золотого века». В области изучения пермских народов он продвинулся дальше других, создав первое монографическое исследование, посвященное истории, языку и этнографии народа коми.

Прямые апелляции к власти, свойственные просвещенческому идеалу науки соединились в романтизме с культом героической личности, которая способна в случае необходимости противостоять власти. История жизни финна Матиаса Кастрена и венгерского пионера финно-угорских исследований Антала Регули, запечатлела их двойное отношение к государственным институтам: как к неизбежной и, иногда, полезной реальности и, как к монстру, безжалостно разрушающему мирную пастораль народной жизни. Заслуга ученых-романтиков состояла ещё в том, что, оставаясь энтузиастами полевой работы, кропотливыми собирателями, они начали популяризацию своих открытий. Являясь в большинстве своем публичными людьми, часто обладающими литературным даром, они заговорили с обществом языком народа. Языком до того презиравым благородными сословиями. И, это был уже прямой вызов власти, которой был поставлен выбор – идти навстречу народу, или дальше консервировать сословные анахронизмы. Исследования, проведенные в этот период в романтическом духе среди финно-угров России, проявились, прежде всего, в национальном пробуждении финнов и в несколько меньшей степени венгров, то есть там, где процесс нациестроительства уже был неподконтролен имперским властям. Грядущий век давал надежду остальным...

3. Век Эволюционизма

Вторая половина XIX. в. стала для многих стран Старого Света временем расставания с прошлым. Основная методологическая трудность заключалась в том, как совместить ожидаемую романтическую пастораль с прагматическими задачами полевого исследования. Универсальным решением проблемы, по мнению многих ученых, могла стать набиравшая популярность эволюционная теория. Учитывая неоднородность социально-экономического развития финно-угорских народов, можно было попытаться реконструировать основные этапы исторического прошлого финнов и венгров с помощью изучения современного быта родственных им народов, живущих в Сибири, на Урале и в Среднем Поволжье.

Так, или примерно так, предполагал в 1923 г. первый профессор финно-угорской этнографии Хельсинкского университета Уно Таави Сирелиус, от-

мечая что: «Изучение финно-угорской этнографии имеет большие перспективы, поскольку народы, являющиеся её объектом, находятся на разных ступенях развития. Таким образом, быт народов, стоящих на более низких уровнях, способен пролить свет на ранний быт более развитых народов». Наставник Сирелиуса венгерский этнограф Янош Янко в свое время предложил трехуровневую схему развития финно-угорской культуры, где на верхнем ярусе располагались этнические культуры венгров, финнов и эстонцев, на среднем – культуры восточно-финских земледельческих народов, а на нижнем ярусе промысловые культуры обских угров. Составляя в совокупности производное единого целого – общей финно-угорской культуры, локальные варианты воспроизводили эволюционную динамику и не вступали в явное противоречие с основополагающей формулой романтиков «один народ – одна культура». Продуктивность этого подхода не ставилась под сомнение вплоть до появления в науке идей географического детерминизма и неофункционализма.

На первый взгляд может показаться, что преисполненные творческого энтузиазма пионеры финно-угорской этнографии были полностью психологически готовы погрузиться в мир традиционной культуры родственных народов. Другое дело, готов ли был этот, до известной меры идеализированный ими мир, адекватно воспринять личность исследователя? Наверное, любой этнограф, когда-либо занимавшийся полевой работой, знает, как порой не просто преодолеть стену мнимого равнодушия, демонстрируемого будущими информантами, включенными в круго-ритм повседневной жизни. На заре своей научной карьеры Сирелиус предполагал, что ученый, находящийся в поле, должен позиционировать себя не иначе, как «человека из народа». Сложность реализации этого пожелания выявилась, впрочем, очень скоро. В большинстве случаев ученый отличается от изучаемого им населения не только полученным специальным образованием, но и множеством других социально значимых факторов. Отмеченное обстоятельство, по всей видимости, оказывает влияние на поведение и душевное состояние ученого в поле, а это, в свою очередь, не может не повлиять на технологию исследования и способ интерпретации собранного эмпирического материала. Примечательно, что, приобретя некоторый экспедиционный опыт, Сирелиус отказался от своей первоначальной идеи, оставив исследователю роль заинтересованного зрителя, и лишь изредка – режиссера, в театре полевой этнографии.

Ответственность полевого исследователя перед изучаемым народом рано или поздно ощущал каждый. Ученый нередко в прошлом и настоящем становился своеобразным посредником между своими информантами и властью. Так было в конце XIX. в., когда своими экспертизами защищали удмуртов д. Мултан, обвиненных в человеческих жертвоприношениях, препятствуя воле властей по вынесению обвинительного приговора. Верно, пишет М. Миккор –

этнограф часто ощущает себя виноватым из-за всех услышанных просьб о помощи, которые не смог удовлетворить. Вспоминается, по этому поводу, совсем недавний случай, когда наша исследовательская группа, работавшая с портативной видеокамерой на штативе, была принята жителями одной удмуртской деревни за техников ведущих землеустроительные замеры для проведения долгожданного здесь газа. Когда, наконец, ситуация прояснилась, нас, тем не менее, просили по возможности ускорить процесс газификации деревни.

Исторически так сложилось, что пребывание исследователя в «русском поле» зависит не только от контактов с изучаемой этнокультурной группой, но и от взаимоотношений с начальством разных степеней и рангов. Так, Аксель Хейкель благоразумно отправился в свою первую поездку по Восточной России в 1883 г. с личного «благословения» министра по делам Великого княжества Финляндского. Тридцать лет спустя Уно Харва, по-видимому, пренебрег этой формальностью и в результате провел, до выяснения, одну из летних ночей в полицейском участке д. Ст. Канисар Казанской губернии. Конечно, он пытался объяснить бдительным сельским полицейским, что он ученый-этнограф из Финляндии, а его спутник, местный учитель-удмурт Алексей Игнатьев – лишь только проводник и переводчик. Боюсь, что стражи порядка с сомнением отнеслись к его доводам, с картой местности, записными книжками, чертежами и рисунками. Более предусмотрительным был финский фольклорист Юрьё Вихманн, который прежде чем заняться полевой работой, запасся многочисленными рекомендательными письмами и предписаниями всем чинам уездной полиции об оказании ему полного содействия. Не менее действенным изобретением стал список «персон для контактов» – главным образом, сельских учителей, местных чиновников и священнослужителей, с помощью которых он подошел к пониманию ключевого пункта методики полевой работы среди родственных народов.

Насущная потребность в помощниках из числа местных жителей обнаружилась учеными ещё в начале XIX. века. Поиски толковых проводников не были случайностью, или барской прихотью. Многие исследователи испытывали проблемы с разговорным русским языком, не говоря уже о местных финно-угорских языках, изучить которые за время маршрутных экспедиций было доступно не многим. А местные жители, в свою очередь, были, как правило, не сильны в русском и иностранных языках. Положение несколько улучшилось, когда стала появляться учебно-справочная и другая литература, позволяющая провести предварительную лингвистическую подготовку к полю.

Дополнительную актуальность вопрос о местных помощниках приобрел во второй половине XIX. в., когда в своих поисках финно-угроведы стали отходить от длительных маршрутных экспедиций к исследованиям ареального характера, работая среди локальных групп этноса. Местные помощники должны были составить то, ранее недостающее звено, которое замкнуло бы цепь от-

ношений между ученым и изучаемым населением. В идеале они должны были происходить из народа, безукоризненно владеть языком (диалектом) и ориентироваться в системе ценностей этноса. Вместе с тем, они должны были хорошо знать русский и желательнo один из европейских языков, чтобы эффективно передавать информацию от источника к собирателю. Но где можно было найти таких помощников в массе неграмотного, в большинстве своем, нерусского населения восточных областей России? Подлинным спасением для финно-угроведов, в этом случае была Казанская инопороческая семинария, готовившая христианских миссионеров и учителей народных школ края. Организатор и бессменный директор семинарии, известный ученый-педагог Николай Ильминский долгое время успешно сотрудничал с Финно-Угорским Обществом и даже состоял его почетным членом. При его деятельном участии воспитанники семинарии, коми и удмуртского происхождения, становились участниками финно-угорских исследований, в качестве экспедиционных проводников и переводчиков Торстена Аминоффа, Берната Мункачи, Уно Харва и др.

Хорошая идея была подана незадолго до начала Первой мировой войны, руководством Финно-Угорского Общества, предложившим организовать специальные курсы для обучения местных помощников навыкам самостоятельной исследовательской работы. Но социальные потрясения позволили лишь немногим стипендиатам пройти научную стажировку. Среди них были коми-ученый Василий Налимов и марийский этнограф Тимофей Евсеев. Правда, и в годы войны научная работа не прекращалась. В свое время Одон Беке подробно описал методы работы венгерских ученых (Бернат Мункачи, Давид Фокош-Фукс) среди военнопленных финно-угорского происхождения. Тем не менее, в результате революций и гражданских войн возможностей для полевых работ становилось все меньше, даже легальная переписка была поставлена под жесткий контроль, что не могло не сказаться на социальном престиже финно-угорской этнографии. В Советской России наука стремительно «большевизировалась», в Финляндии, Венгрии и Эстонии этнографическая наука также не избежала определенной политизации, заложниками которой становились ученые.

Сейчас я не возьмусь с уверенностью сказать, кем были в глазах своих современников ученые той «эволюционистской» генерации финно-угроведов – наивными мечтателями, либо строгими прагматиками? Ясно, пожалуй, только одно, что молодые люди, родом из приличных буржуазных семей, выросли в экспедициях, преодолевая собственный рационализм. Совмещая идею и науку, или, лучше сказать – идею, ставшую наукой, они создали образ и корпус финно-угроведения. Решая, казалось бы, сугубо исследовательские задачи, пионеры финно-угорской этнографии, прошли проселочными дорогами истории, открыв миру своих полузабытых родственников, указав им путь к самопознанию и свободе.

4. Советское время

Обычно в каждой стране проблемами «национального» занимаются специалисты из разных отраслей знания, в советском научном разделении труда приоритет был закреплен за этнографами, которые отвечали как за эмпирические исследования, так и за их теоретическое обоснование. Советская этнография рассматривалась властью в качестве одной из наук с особыми политическими задачами, в контексте марксистско-ленинской идеологии. Советская этнография 1920–1930-х гг. являлась участником социального эксперимента и национально-культурной революции у так называемых отсталых народов. Ввиду кооперации между наукой и политикой финно-угорские исследования в Советской России вынуждены искать свой баланс между двумя полюсами. К этому добавлялось ещё то, что в рассматриваемый период российская провинция, где и был сосредоточен научный интерес финно-угроведов, переживала драматичный период форсированной модернизации от аграрного общества к индустриальному. Но, в любом случае, «проповедовать» коммунизм эффективнее было на родном языке. Кроме того, властям не могла не импонировать «культуртрегерская» роль руководителя эволюции отсталых народов и работы с «девственно чистым» материалом, не затронутым обаянием буржуазии. Власти хотели руководить процессом осовременивания отсталых народов, в этих условиях этнографы вынуждены были принять революционные темпы культурных изменений, в наблюдаемых ими обществах. Одним словом, переключить внимание с народных традиций на классы (даже там, где их не было). Их заставили выискивать элементы отсталости, раскрывать классовые противоречия внутри этносов, а власти брали на себя уже функцию обвинителя.

Короткая волна славы коснулась тогда молодой поросли национальной интеллигенции пермян, с головой окунувшейся в стихию революционной учебы и строительства. Но все попытки выстраивания модели национальной культуры были очень скоро пресечены властью, организовавшей Дело СОФИН (Союз освобождения финских народов) и другие не такие громкие, но действенные процессы подавления. Власть не двусмысленно дала понять – моделировать и конструировать может только она. В журнале Советская Этнография № 2 за 1937 г. опубликована статья «Социалистическое строительство среди народов Поволжья», автор, которой пишет «Политика царского правительства, направленная на угнетение малых национальностей, особенно ярко проявилась в отношении многонационального Поволжья». Но, главной является вторая часть опуса, где кроме неисчерпаемых образцов славословия в адрес «руководства партии Ленина – Сталина», содержится концептуальная фраза – «для народа многонациональной России кончилась **предыстория** и начинается **история** освобожденных людей».

5. Послевоенный период

Когда, в 1950 г. И. В. Сталин подверг уничтожающей критике превозносимую прежде теорию академика Н. Я. Марра о языке, постановив, что классы уходят и приходят, а нации остаются, советские финно-угроведы могли перевести дух. Вновь забрезжила надежда вывести свои исследования на уровень легитимной науки, но беда в том, что плата за легитимизацию была оставлена прежней – обслуживание идеологических и политических интересов власти. Кстати говоря, такого рода зависимость в целом была свойственна послевоенной этнологии, тесно связанной в странах Запада с системой колониального администрирования, в Советском Союзе с «направляющей ролью КПСС» и даже в неприсоединившихся странах, что хорошо показано в недавней статье проф. Ю. Лехтонена «Kustaa Vilkkuna – ein finnischer Volkskundler zwischen Berlin und Moskau». Но, именно этот хрупкий баланс между властью научного факта и властью государства обеспечил условия для послевоенного ренессанса полевой финно-угорской этнографии и, что ещё более важно – формированию устойчивого научного интереса к финно-угорской проблематике. И, как венец процесса возрождения – организация, начиная с 1960-ого г. регулярных Международных Конгрессов финно-угроведов.

В этот период особенно велика, оказалась роль тех ученых, которые не боялись и не погнушались в ряде случаев взять на себя сложную роль исследователя и публичного человека, работающего с властью. Это была тонкая игра, построенная на взаимных уступках, компромиссах, обидах и объятиях. Но именно эта игра обеспечила издание научных журналов финно-угроведов, функционирование аспирантур, экспедиции к восточным финно-уграм. Наибольшим успехом этих лет можно считать тот факт, что в реальности сложились самостоятельные научные коллективы в Сибири, на Урале и в Поволжье, о чем, возможно, мечтали пионеры полевых финно-угорских исследований.

Заключение

История изучения пермских народов прошла к началу XXI. в. немалый путь, в ходе которого были времена блестящих открытий и научного подвижничества, но были и периоды безликого тиражирования уже давно известных фактов или, что ещё хуже, научного «самоедства» и погони за конъюнктурой. Тем не менее, ушедшие поколения ученых, их поиски и труды не должны остаться в забвении, несмотря на то, кажутся они нам важными и актуальными, либо не вписывающимися в контекст сегодняшнего дня. Понимание высокой значимости исследовательского труда сформировало современное финно-угроведение, в равной степени основанное на данных эмпирического характера и историографических материалах.